

Олег СЛОБОДЧИКОВ

ПОСЛЕДНИЙ РАУНД

Повесть

Если в кругу вечно подначивавших проходчиков Сашка Кравцов вспоминал свою первую встречу с бригадиром Быковым, то заявлял многозначительно и важно, что ее специально подстроили свыше. В прямом смысле так оно и было: впервые встретились они на поверхности. В те дни Сашке было совсем не до шуток: три курса брошенного института, спорт — планы на жизнь легкую и радостную летели в тартарары, потому что негде и не на что было жить.

Первая поездка на рудник, серые отвалы породы, серный запах отпалочного газа, сама затхлая контора, навевали такую тоску, что Сашка подумывал - стоит ли рождаться на белый свет для такой жизни? Начальник отдела кадров, обрюзгший от многолетнего сидения за столом, окинул казенным взглядом его крепкую фигуру, и в сонных глазах потомственного бюрократа засветилось озорное любопытство. Он даже отлепил рыхлый зад от стула и шагнул навстречу:

— На одиннадцатый бы участок тебя... Так ведь не возьмут.

Насмешливые глаза Кравцова чуть дрогнули и обидчиво сузились:

— Это почему же меня — и не возьмут?

— Там с кадрами полный комплект. — Сиделец вздохнул, почесал плешивую макушку. — К Быкову бы тебя! — добавил, мечтательно смеживая веки. Не понять было Сашке, что за смутные предположения промелькнули под лысеющим лбом, только кадровик притопнул ногой, тряхнул остатками кудрей, и в остром лезвии косого солнечного луча закружились пылинки. — Попытка — не пытка! Вот тебе направление, поговори с бригадиром, может быть, и возьмет.

— И что же за благодетель этот Быков? — усмехнулся Сашка, не двинувшись в сторону зависшей руки.

— У-у-у! — просипел начальник отдела кадров, фертот подперев расплывшиеся бока. — У Быкова мужики, поздравей тебя, ломались. Здесь, — кивнул на то место, где стоял Сашка, — заливались слезами, чтобы только их перевели в другую бригаду...

Кравцов подхватил направление, согнул его вдвое, сунул в карман и вышел. Начальник участка, с невыспавшимся лицом, даже не спросил трудовую книжку. И он тоже прищурился лукаво:

— К Быкову бы тебя! — задумался и добавил: — Минут через пятнадцать он должен подняться на поверхность. Поговори... Я буду только "за".

Шахтная клеть, проскрежетав, тяжело выползла из подземных глубин. Остановилась. Как подбородком, дернула-звякнула решеткой и выплюнула очередную толпу чумазых рабочих, дыхла плесенью и прелью подземелья. Застучали по бетону сапоги выехавшей смены. В этой бесцветной массе Сашка поймал один взгляд и вдруг забыл, где он и зачем.

Пять лет тренеры пытались вытравить из него чрезмерный азарт — ничего не получилось. Поэтому и не вышел он в большой спорт. И вот, стоял в галерее, нелепый в своем чистом черном костюме, глаза в глаза смотрел на Быкова, уже уверенный, что это именно он, и сумбурно прикидывал: "Вес девяносто кг, лет на пятнадцать старше... Не весогон..."

Глядя на бригадира, Сашка уже знал, что будет работать именно с ним, и рудник, шахта начали обретать смысл, который не предполагался ни ситуацией, ни местом.

* * *

Рудник. Шахта. Сырое пространство подземных выработок, сжатое низкими каменными сводами. Тишина. Лишь в узких канавках под трапами журчит мутная вода. Через мгновение под каменный свод врывается яростный рев и проносится состав с рудой. Шахтная клеть с новой сменой летит вниз, мелькают

металлоконструкции пролетов. Как этажи высотного здания, возведенного не к небу, а в глубь земли, проносятся ярко освещенные бетонные своды подземных горизонтов.

Забой. Смена. Заклинило буровую штангу. Крутится она свободно, а не вытацишь. Сашка налег всем телом на перфоратор, хотел силой оторвать его от забоя. Будто муравьи облепили тело, от вибрации зуд пошел по коже, поплыли перед глазами лампы освещения, закачалась порода под ногами.

Леха Быков, плечо к плечу, не мог не замечать как мучается ученик. Хоть бы бровью повел — смотрел в одну точку, как в телевизор. Монотонно и гулко грохотал его перфоратор. Сашка яростно сжал зубы, уставился на бригадира сбоку в упор — тот не обернулся. Сплюнул и потянулся к серому от шлама уху Быкова.

— Чего рисуешься? Трудно показать, как бурят?

Бригадир невозмутимо обернулся заляпанным грязью и машинной смазкой лицом. Невозмутимо крикнул:

— Разопрись пневмоподдержкой в забой!

— Этой? — пнул Сашка по трубе-домкрату, свисающей с перфоратора.

Бригадир насмешливо кивнул. Ученик сделал все как надо, но слишком резко нажал на рычажок подачи воздуха и... нечеловеческая сила отбросила его назад. Отлетев, Сашка ткнулся носом в жижу из воды и шлама.

Леха Быков отключил воздух. Грохот в забое оборвался, со свистом засипели шланги. Бригадир плавно опустился на землю, лег на спину, задрал ноги и захохотал, дергаясь в конвульсиях, пока Сашка выбирался из-под своего постукивающего поршнем перфоратора. Щель бригадирского рта разевалась, как пасть хищной рыбы, выброшенной на сушу.

Сашка вскочил с бешеными глазами, стряхнул с руки мокрую рукавицу, двинулся боком на Быкова. Тот сел, вытряхнул из смятой пачки сигарету, пустил дымок, глаза его смотрели пристально и серьезно:

— Ну ладно, ладно! Уж и пошутить нельзя?! Это тебе вроде крещения!

И Сашка, остановленный этим взглядом, расслабился, шевельнул губами:

— Ну, погоди... Посмеюсь... Года не пройдет!

"Что за человек? — думал, давясь обидой. Смачивал водой из шланга поцарапанное при падении лицо. — Глупая, инфантильная жестокость..."

Сашка сжал зубы, глядя на вращающуюся штангу: "Ох и отыграюсь... Леша с лесопилки".

В забое гулко шипел сжатый воздух, то и дело срываясь в грохочущую дробь бурения. Бригадир оглянулся, будто расслышал угрозы, вспомнил бросок, распахнул сомовью пасть, опять загоготал, задергался. И Сашка Кравцов, перехватив его взгляд, тоже рассмеялся.

* * *

Ни через полгода, ни через год явного превосходства не было, не было. Зато зрителей было предостаточно. Поединок становился все напряженней, в него азартно втягивалась вся бригада, за ней и участок.

Сашка сдал экзамен на взрывника, получил пятый разряд. Уже несколько раз начальник участка заводил разговор, мол, пора бы Кравцову взять звено. И тут горластый, самоуверенный Быков тушевался, начинал пространно доказывать, что Сашке и по возрасту, и по опыту рановато руководить звеном. И сам Кравцов, поглядывая на бригадира, отнекивался: повышение означало разные смены с Лехой...

Странные складывались между ними отношения. Еще утром, в прокуренной комнате раскомандировки, Леха отыскивал глазами Сашку. Подсаживался, скалясь, начинал подначивать:

— Вот ты, студент, грамотный. Объясни, что за молодежь пошла? Сын, значит, в обиде — денег даю ему мало, квартирой его не обеспечил...

— Родители должны помогать детям! — спокойно отвечал Сашка, носивший под сердцем давнюю обиду, что брошен в жизнь голым, как выбракованный щенок в омут без камня на шее. — Иначе, зачем рожали?

— Помогать?! — дергался Леха. — Я всего сам, своим горбом добился и младших братьев на ноги ставил. С двенадцати лет пашу. И все на меня влезть хотят.

— Судьба твоя такая? — подзадоривал Сашка.

— Пусть дети радуются, что мы их на свет породили, а дальше сами, как я!

— Хм! Уработался, — язвил Сашка и крутил головой, подмигивая сидящим рядом проходчикам: — После быковской смены жену зарядил! Подвиг!

— Быков, Кравцов! — возмущался мастер. — Прекратите галдеж: вашему звену задание даю!

— Да пошел ты... — огрызался Леха. — Будто я не знаю, что мне делать! — И снова оборачивался к напарнику. В горле у него хрипело и клокотало:

— Вот ты как повернул, студент! А я так думаю: выкормил, вырастил, и дальше — пошел вон! Сам-дорогу пробивай... Пахать надо! А то вымахал, как шкаф, и все ему дай, дай! — ворчал приглушенно и вдруг срывался в голос, надвигаясь грудью на Сашку: — Ты чего вчера не отпалил, а?

— А ты взрывчатку заказал? — вскакивал Сашка.

— Быков, Кравцов — опять?! — грозно шевелил бровями мастер.

Распалив себя еще до смены, оба искали, на чем бы выместить раздражение. Леха нырнул в какой-нибудь штрек. Сашка торопливо готовил к работе перфоратор или скреперную лебедку, предвкушая, как бросит небрежно бригадиру:

— Пока ты где-то шлялся, я половину задания сделал...

И внезапно выплывал из полутьмы Быков. Спокойный, с лицемерно-слащавой улыбочкой. Говорил вкрадчиво, поблескивая глазами:

— Дучка забилась! Может, посидим, поспорим о технике безопасности? А там, глядишь, конец смены — и по домам.

Мерил Сашку немигающими глазами — вдруг сдрейфит?

Сотни тонн взорванной руды, как через воронку, рвутся в скреперный штрек через выработку малого сечения — дучку. Но несколько глыб расклинились в ней — затор. Небезопасная работа ликвидировать его: здесь нужны ловкость, мгновенная реакция, опыт. Ведь руда и без помощи человека, своим весом каждую секунду может вырваться в штрек.

Сашка, цыкнув сквозь зубы, отправлялся за взрывчаткой.

— Отпалишь сам?

— Запросто!

— Ладно уж. Молод еще. Шесть лет назад меня с таким же салагой в забое завалило. У него от страха ядра полопались. Ненароком, сделаешь бывшего ученика инвалидом - потом ублажай молодуху! А-га-га, — распахивал пасть бригадир.

— Мерин ты старый! — усмехнулся Сашка — В дучке если радикулит не прихватит... На молодухе-то точно...

Леха морщился, как от зубной боли, — радикулит давно при нем, — задирает голову с вызовом:

— А ты меня согнутым видел?

Поругиваясь, вместе подвязали к шесту пачку взрывчатки. Подвели под завал. Раз отпалили, два. Бесполезно. Надо лезть в самое пекло. Хорошо, если растолкаешь взрывчатку по щелям, отпалишь и завал прорвется. Иначе придется разбуривать.

В дучку они лезли вместе, ощущая в глубине души дрожь и дикое веселье: все решал миг личной удачливости и ловкости.

Взрыв! Каменная струя врывается в штрек. Продолжалась смена. Визжала, тряслась скреперная лебедка. Ее ржавый трос Сашка чувствовал, как свой нерв, — он был на пределе. Но снова, в который раз появлялась возможность перехватить

нагловатый взгляд бригадира и швырнуть ему такой же — а это видел? Я тоже так могу!

Вытянув смену, ни в чем не уступив друг другу, выезжали на поверхность. Добродушно переругивались. Если смеялся один, то другой огрызался. Зато тот, кто был в выигрыше, не деликатничал, а проигравший не принимал снисхождения.

На первых месяцах работы в шахте удивлялся, бывало, Сашка, почему, промаявшись на горном горизонте без дела, после смены еле волочишь ноги от усталости? И почему после больших физических перегрузок усталость не гнетет?

— Потому что, когда ты по-настоящему пашешь - тебе по-настоящему платят! — На все был готов ответ у Быкова. — Когда тебе по-настоящему платят - ты чувствуешь себя человеком. — А если ты себя уважаешь — силы утраиваются. — Он ухмылялся, довольный ловким ответом, и продолжал рассуждать. — А вот если работать не хочешь и тебе из жалости подбрасывают гроши, как иждивенцу, — тут, конечно, и гордость, и силу — последнее растеряешь.

— Что ж, по-твоему, я в уме всю смену только и делаю, что подсчитываю: обурил — червонец, отпалил — пятак, отскреперовал...

Быков снисходительно клал ладонь на плечо напарника: мол, мы хоть в институтах не учились, но кое-что понимаем:

— К примеру, на своем огороде пашешь — думаешь, сколько осенью овощей снимешь?.. — Сашка не успевал рта раскрыть в ответ, как Быков делал свои выводы: — Если б знал, что урожая не будет — пропала бы всякая охота работать.

— Так это же совсем другое! — сбрасывал Сашка с плеча бригадирскую руку: — Это бессмысленный труд...

И начинался новый спор.

* * *

Быков бурил в забое, Сашка в скреперном штреке взрывал негабарид - крупные для погрузки глыбы породы и руды. Оставался-то пустяк! Проходчик

обошел последний, самый крупный валун, плюнул на него. По-хорошему — разбурить бы. Но ради одного шпура настраивать и тащить перфоратор очень не хотелось. Ведь это на полчаса задержка.

С минуты на минуту мог подойти бригадир — только для того, чтобы поддеть напарника. Сашка нервничал и спешил. Торопливо уложил накладной заряд, потянул проводки взрывной магистрали в откаточный штрек.

Ну, точно! Леха уже сидел, покуривал и посмеивался. Сашка озабоченно засопел, ожидая насмешек, присоединил проводки к взрывной машинке, крутнул ключ, нажал на кнопку — взрыва не было. Он лихорадочно повторил — тишина!

— Магистраль рваная, — крикнул Быков. — Я еще вчера собирался ее выкинуть. — Швырнул окурок, встал, насадил каску на голову. — Может, замкнуло где! — бросил через плечо.

Сашка скрипнул зубами — невезуха! Скрутил концы магистрали и, скользя по ней рукой, кинулся обратно в скреперный. Заряд лежал на глыбе целехонький, но один патрон с капсулем-детонатором упал на породу. Сашка обрадовался, что не случилось холостого взрыва. Подумал, что повезло. Выпустил из руки проводки, и тут в лицо ему ударила жгучая волна взрыва.

Быков с перекошенным лицом налетел на него в темноте, ощупал, осмотрел при свете аккумулятора. Удостоверился, что ничего страшного не случилось. Едва у Сашки стал стихать грохот и скрежет в голове, едва прояснилось в глазах, в луч его аккумулятора попал бригадир. Быков лежал на спине и дергал ногами, будто крутил невидимые педали велосипеда.

Прорезиненные штаны на Сашке посекло взрывом в ключья. Кусок провода впился в кожу руки. Проходчик выдернул его, и алой струей потекла по кисти кровь. Невероятно легко отделался.

— Отпалишь сам! — с трудом прошепелявил он.

Мотаясь от одного борта штрека к другому, пошел. Нужно было здесь, на горном горизонте, достать хоть какие-нибудь штаны и выехать незамеченным на-

гора. Стоило столкнуться с инженером по технике безопасности или с кем-нибудь из начальства - плакала премия у всей бригады.

* * *

Сашка выскочил из автобуса. Здание бытовки дышало привычным жаром калориферов. Дверь в раскомандировку участка была подозрительно прикрыта, из-за нее доносились взрывы хохота. После этого наступали секунды напряженной тишины со стрекотанием знакомого голоса: та-та-та — как стук поршня... И снова раскаты смеха.

Сашка распахнул дверь — на миг все смолкли. Знакомые лица уставились на него, и хохот грохнул с десятикратным усилением, будто кто-то вывернул регулятор громкости до отказа.

Еще не понимая, в чем дело, но догадываясь, Сашка отыскал глазами бригадира. Быков полулежал на скамье в центре круга рабочих и блаженно щурился от дыма папиросы. Сашка пробрался к нему, пристально глядя в припухшие после сна лица. Шлепнулся на скамью рядом с Лехой — ни кивая, ни здороваясь и не сводя с него глаз. Закинул ногу на ногу. Щелчком выбил сигарету из пачки. Леха, жмурясь, как сытый кот на печке, так же серьезно смотрел в глаза своему проходчику.

Чуть притих смех. Леха отправил окурок к другому уху и размеренно зарокотал хриплым голосом:

— Слышу, значит, в скреперном боевик шарахнул. Заскакиваю. Саня стоит навтыжку, вокруг него пыль коромыслом. Я глазам не верю — без штанов и вроде чего-то на кровле рассматривает. Я тоже глядь вверх — мама родная! — там как на сковородке...

Видно, не первый раз рассказывал Быков про этот взрыв: Сашка — не будь дурак — сам рассмеялся, и смена стала терять интерес к вчерашнему происшествию.

У каждого из них была своя чудинка. Была она и у Лехи Быкова. В отместку за его острый язык рудник не упускал случая посмеяться над его мечтой, обросшей множеством анекдотов. Это была мечта о тихой жизни на пасеке, которую вот уже лет десять он строил где-то далеко за городом. Поговаривали, что Быков там, в уединении, пытался вырастить сибирские мандарины.

Из верных рук дошел до Кравцова слух, что Быков за большие деньги уговаривал вертолетчиков забросить ему на пасеку навоз. Леха эти слухи категорически отрицал, но при этом зеленел лицом.

Притих смех. Кто-то уже ругал предыдущую смену. Выбрав нужный момент, Сашка прищурился на быковский манер, потянул носом воздух.

— От кого это навозом потягивает? Или силосом? Лех? Может на тебя с вертолета мешок с дерьмом упал? Поутру, говорят, пожарник кружил над конторой.

Самодовольно развалившийся на скамье бригадир, подобрался, сел и резко выпрямился. Глаза сверкали, кривая усмешка змеилась на губах.

— Сколько раз говорить: у меня нет дачи, у меня — пасека. Что ты в этом понимаешь, крыса подземная?!

— Га-га-га! — глядя то на одного, то на другого, снова начали потешаться рабочие. — Ну, поехали... Так его, Леха!

— Зачем навоз на пасеке? — шел в атаку Быков. — Приглашу пару таких как ты засранцев, и урожай обеспечен....

— Что балдеете? — оборачивался к проходчикам. — Дотянете до пенсии, пару лет промааетесь от скуки и хвост откинете, как все. А у меня только жизнь начнется...

— Давай, Леха! Жми, дачник!

— В лесу буду жить: дом с ванной, с горячей водой.

— Давно обещаешь! — посмеивался Сашка. Он был доволен.

— Спешить некуда: еще пахать и пахать. Что такое пятьдесят? Половина жизни... Что вы понимаете в ней?!

* * *

Кончился месяц, запаса проходки не было — план шел метр в метр. Бригадир и так срывался на ругань из-за любого пустяка. А тут еще звеньевому Семену Индюку не повезло: вчера в его забое, на кровле появились трещины в монолите. Сегодня этой трещиной оконтурилась плита — глыба, которая каждый миг может рухнуть.

Оправдывался Индюк, попав бригадиру под горячую руку:

— Я виноват, да? Ну выходит плита по кровле. Я ее сделал, да? Чо орешь-то? Давай лес — сами закрепим!

— А это видел? — плюнув в ладонь, Быков сунул под нос звеньевому дулю. — Месяц кончается, плана нет, еще одну смену коту под хвост... Я вчера говорил, чтобы ты плиту отфугасил?!

— Дак пока она вышла, пока взрывчатку заказывали...

— Свою работу не сделал, а домой, на-гора, наострился? — шумел бригадир. — Сходи в столовую и опять вниз. Сам отпалишь. У нас с Сашкой другие дела найдутся.

От негодования Леха даже провернулся на месте, прицелившись носком туфли в урну, полную окурков. В конце коридора показалась уборщица со шваброй и ведром. Рабочие замерли, с восторгом ожидая грандиозного концерта и возможного избиения знаменитого бригадира шваброй. Но туфля описала дугу над урной, не задев ее, концерт не состоялся, и рабочие разочарованно зашумели.

Индюк, как всегда, схитрил: не остался после смены, а уговорил поработать своего проходчика. Этот пожилой шахтер недавно появился в бригаде. Сашка даже имени его не помнил.

Летела шахтная клеть на одиннадцатый, последний, горный горизонт. Леха Быков хмурился и шевелил губами, обещая завтра же спустить Индюка вниз головой до самого одиннадцатого...

Выгрузились на рудворе, и бригадир немного поостыл, добродушной взглянул на новенького: .

— Получи взрывчатку на складе, раз уж спустился. А мы с Саней посмотрим, что за плита.

Он первым влез в забой, осветил аккумулятором кровлю. Трещинами был очерчен почти правильный прямоугольник.

— Не могла, зараза, стоять не так, а поперек?! — сплюнул на породу Быков. Обернулся к Сашке: — Тащи лом!

Попробовали расшатать плиту ломami — вдруг, без взрывчатки упадет? Она, утробно скрежеща, чуть двигалась — это плохо: наверняка придется или сбрасывать ее взрывом, или крепить.

Мигая лучом аккумулятора на каске, подошел индюковский проходчик, принес взрывчатку, капсули, шнур.

— Ладно, — подобрел Леха. — Беги. Еще успеешь выехать на-гора. Отпалим сами.

— Не положено передавать взрывматериал, — недовольно заявил проходчик. — Меня записали взрывником, я и буду работать!

— Ты посмотри, какой он грамотный... Пуганый, что ли?

Рабочий не ответил, рассматривая плиту. Леха нырнул в темноту и приволок лиственничный стояк. Подпер к кровле пару пачек взрывчатки.

— Чего стоишь? Давай шнур с капсулем!

— Сказал, сам отпалю! — чуть громче и упрямей заявил проходчик.

Леха обиженно цыкнул сквозь зубы, поддал сапогом кусок породы.

— Пойдем, Сань. Пусть один корячится... Нет, ты посмотри, какой он строгий!..

В слесарной мастерской на подземном горизонте Сашка снял каску, вынул из нее пачку чая. Поставили на жаркую электроплиту чайник.

Ударил первый, звонкий взрыв накладного заряда. Взрывник на несколько минут включил вентиляцию и, видимо, полез в забой смотреть, не упала ли плита. Не было его долго: видно, прилаживал новый заряд. Закипел чайник. Вошел новенький. Снова ударил звонкий взрыв.

— Не я буду — висит! По звуку слышу, — дернулся Быков.

Взрывник выпил кружку чаю, ушел, бросив через плечо:

— Последний раз палю. Не упадет — крепите.

Не было его почти полчаса. Леха сначала ерзал и ворчал, потом кляня подземных чертей, бригаду, упрямого проходчика из звена Семена Индюка, для порядка все рудничное начальство тоже, не выдержал, сорвался с места.

Сашка поплелся в выработку следом за бригадиром. Еще издалека он увидел, что плита все-таки упала и взрывника в забое нет. Вспомнил его некомпанейскую физиономию и подумал, что такой хмырь запросто мог уйти, не предупредив. А сердце уже начало колотиться от нехорошего предчувствия.

С хриплым собачьим подвывом Леха на четвереньках ползал вокруг упавшей плиты, то и дело принимаясь подкапываться под нее руками. Мелкие камни летели веером. Кравцов подошел ближе, и в луч его аккумулятора попала сапоги взрывника, торчащие из-под плиты.

— Что стоишь! — рявкнул Леха. — Беги за горноспасателями...

Гурьбой ввалились в выработку горноспасатели. Протянули гирлянду лампочек, деловито стали подводить под плиту домкрат. Глыба чуть приподнялась, приоткрывая черное пятно под собой. Но домкрат, гулко звякнув железом, выскользнул. Сашка ринулся к выходу, сдерживая подступившую к горлу рвоту.

— Студент! — хлестнул его в спину окрик бригадира. — Тащи перфоратор.

Тело вытащили из забоя, бросили на руду в груженный вагон электровоза. Состав ушел. Через минуту в откаточном штреке никого не было, кроме Быкова и Кравцова.

Леха сел, поджав ноги, скинул каску, грязным рукавом вытер лицо, закурил. Сашка опустился рядом. Бригадир потряхивало от возбуждения и не вымещенной досады. Он скосил глаза на напарника. Не найдя к чему придраться, выплюнул недокуренную сигарету, ударил кулаком по каске, насадив ее до самых ушей, и кинулся в выработку. В ярко освещенном забое в луже воды и шлама поблескивало багровыми разводами большое пятно. Прислоненный к борту перфоратор шипел сжатым воздухом. Леха схватил его, упер в середину пятна пневмоподдержку, размашистым ударом руки ткнул переключатель воздуха. Привычно загрохотало в сжатом пространстве. Сашка, плечом к плечу, налег на второй перфоратор. Застучал, загрохотал, изредка прерываемый сбоями издали слышимый дуэт.

С угрюмым отчаянием они делали привычную работу и общий план. Каждый сам за себя. Чтобы не слоняться до конца смены наедине с мыслями, не видеть кислых физиономий друг друга. Торопились обуздать и взорвать то место, где совсем недавно лежал человек, будто это что-то могло изменить. Чтобы только купол никчемной пустоты, на месте упавшей плиты, напоминал, что это произошло здесь.

* * *

Шесть лет Сашка отработал в паре с Лехой Быковым. Народ в бригаде больше чем на половину переменялся, а они, двое, вечные враги и соперники, оставались. И все рекорды были их рекордами — бригады Быкова. Все премии были их премиями. План года они выполнили в октябре. Помнится, Леха ночь напролет пересчитывал пройденные метры выработок, а утром влетел в раскомандировку.

— Тэк, урки, слушай сюда! Завтра всей бригадой выходим в одну смену. Технику подшаманить, закутки подчистить — и на-гора.

В раздевалке было шумно — на горизонт спускались сразу три звена. Мастер с начальником участка шныряли среди работяг с такими хитрющими лицами, будто самого Быкова провели на мякине. В раскомандировку заглянул председатель рудкома, с благоговением вперился в знаменитого бригадира масляными глазами.

Быков, надев через голову застиранный свитер, встретился с ним взглядом, кивнул:

— Чего тарашисься, будто я тебе банку меда обещал?

Рудкомовскую улыбочку повело, залимонило, пухлое лицо зарделось. Леха, не дожидаясь ответа, пожал плечами, притопнул каблуком, натягивая сапог на сухую портянку.

По подсчетам плановиков прошла последняя смена трудового года бригады. Все разом выехали наверх — еще не просох пот на спинах. Ринулись к раздевалке, предвкушая теплые струи душа на разгоряченном теле. На пути был заслон.

Гулко застучали тугие удары барабана, парусами затрепетали на ветру праздничные транспаранты. Первыми, плечом к плечу, вышли Леха с Сашкой, за ними вся бригада с тусклыми зайчиками еще не выключенных ламп. Двое остановились перед заслоном митинга, остальные выкатились из-за их спин, рассыпались в шеренгу справа и слева.

Захлебнулся восторженный рев труб, и председатель рудкома со слегка попорченным ликованием на лице, громко крикнул:

— Товарищи! Сегодня у нас знаменательный день: горнопроходческая бригада нашего скоростника Быкова выполнила план года, товарищи.

Прозрачная обертка на букетах цветов захрустела в неуклюжих, мозолистых руках. Смущенно заулыбались рабочие. Леха, надменно поглядывая на оркестр,

снисходительно кивал встречавшим — мол, ничего, я доволен. Сашка рядом с ним ломал брови, скрывая неловкость.

Скривив лица в ожидании привычного нахальства, руководство принужденно дало слово главному виновнику торжества. Леха громко рыкнул, прочищая горло. Правая нога на пяточку, грудь — вперед, локоть к бедру, мозолистая грязная рука как на скульптуре вождя потянулась к толпе:

— Чего тут говорить?! Мы не крысы, чтоб дурковать по кандейкам! Пахать надо! Вот и пашем, и будем...

Натужно посмеялись встречающие, отдуваясь тайком - мягко сказал бригадир, рудничные начальники скомкали заготовленные речи, казенного тепла и типа. Музыканты, ухмыляясь одними глазами, задули озорной марш. Горячий душ, накрытые столы и предполагающийся отдых вдохновляли и расслабляли.

Все чаще Леху вынуждены были сажать в президиум. И частенько кто-нибудь из начальства под хохот шахтеров вытирал лысину от досады: если бы этому Быкову кляп в рот — классный был бы работяга!

Придет время, когда последний из старых быковских проходчиков — Индюк — молча плюнет под ноги и уйдет из бригады, где будет исполнять обязанности бригадира Сашка, а бригада так и останется "быковской".

Не любили Быкова старые бригадиры. О разном горланили на собраниях.

— Шабашники! — кричал кто-то из-за чужих спин. — Они за полгода техники больше гробят, чем мы за пару лет.

Леха не оправдывался, не огрызался с места. Не спеша, выходил на трибуну. Пружинистый, как кот, важный, как петух. Правая нога вперед — на пятку, локоть к бедру, вождистски раскрытая ладонь к народу, один глаз прищурен, другой кругл и жгуче блестящ, как новенький пятак.

— Это кто там возникает? Рожин, ты, что ли? Давай прикинем, сколько метров я прошел за полгода и сколько ты за год. Не хочешь? Вот так!

— Крохобор! — трясся от возмущения бригадир Петухов. — Хоть бы мальчишек не портил, им еще работать и работать!

Леха даже не поворачивался в сторону голоса, бил себя в грудь кулаком.

— Пятнадцать лет в забое — а такого брюхатого проходчика еще не видел. — Он оттопыривал большой палец, указывая через плечо на говорившего. — И этот тихход называется наставником?! Чему он может научить?

Петухов был освобожденным бригадиром, а значит — ни рабочим, ни инженером — так... И поэтому Леху поддерживали луженые глотки даже тех, с кем у Быкова были сложные отношения.

— Так ему! — кричали из зала. Ходит при портфеле, жеребий, а с бригады деньги тянет...

Но у Петухова свой резон и свои понятия о собственном весе. Он греб руками к выпирающему животу, подражая движениям погрузмашины, кричал с места:

— Быков, как пээмка — только бы деньги хапать!

И снова зал покатывался от хохота. Еще бы — немало было здесь тех, у кого при воспоминании о быковских премиях ни с того ни с сего начинала ныть спина.

Однажды поднялся в рост жилистый мужик. Он с Быковым и Кравцовым проработал в одной бригаде около двух лет. Зал затих — проходчик был из молчунов, из трудяг. Негнущимися пальцами он поскоблил затылок, переступил с ноги на ногу, забубнил, сбиваясь:

— Не то говорите! Быковские работать могут. Да так, что другим не по зубам... Но не работа это... — замолчал рабочий, теряясь, не умея оформить нескладные мысли в слова.

— Как — не работа? — без насмешки спросил начальник участка. — Благодаря этой бригаде участок выполнил квартальный план.

— Не работа! — упрямо тряхнул головой проходчик. — Игра это! Леха с Сашкой друг перед другом выкобениваются — другим волей-неволей жилы рвать приходится.

Говоривший безнадежно махнул рукой — недосказавший, недопонятый, сам не все понимающий. Не нравились ему Быков и Кравцов. Это понятно. Бывает.

— Хороша игра! — хохотнул в странной тишине директор рудника, хлопнул по столу пачкой бумаг. — Республиканскую премию опять взяли.

Но не было в ответ из зала ни одного, даже угодливого смешка.

— Коля! — с дурашливой слезой в голосе всхлипнул Леха. — Можя, у тебя не жилы, а что другое лопнуло? Так ты скажи, всем участком поможем...

В зале принужденно хохотнули, как лист железа волоком протащили по камням...

И снова начиналась смена. Летела клеть на горизонт. Последние секунды неподвижности... гонг! Где-то скрежетали коронки буров, яростно вгрызаясь в породу, где-то грохотали взрывы, подвывали скреперные лебедки, и сырое подземелье извергало из себя руду. Наверх!

Будет время, вспоминит все это Сашка Кравцов, когда начальник участка станет подсовывать ему в бригаду слабаков, потому что проходчики, знающие себе цену, к нему не пойдут. А вот у Лехи получалось все: и лучшие подряды — его, и зарплата, и кадры...

— Мне ордена не надо! — с веселой злостью, бывало ударял он себя в грудь. — Мне машина, вам мебели в квартиры и пятьсот-семьсот в месяц! Вот так!

Не был Леха жаден до денег, но урвать такую зарплату, что у рабочих брови поднимались выше козырька каски, — считал делом чести. Проходчики подбирались в бригаду сильные. Что с того, что менялись часто: на каждого уходящего было несколько стремящихся в бригаду. Хлебнув месяц-другой напряженных до белого каления быковских смен, бежали, с ужасом вспоминая, как эти деньги даются.

После смены Леха демонстративно подходил к доске показателей, стирал проценты, внесенные неопытной табельщицей, писал в графе против своей бригады:

"До заработка 640 рублей осталось пройти 10 п. м выработок". О брюки дорогой ткани вытирал мел с пальцев и ухмылялся — вот так!

Долго Сашка Кравцов ломал потом голову: что же случилось и когда все началось? Столько лет он честно тягался с бригадиром: злился, но зла ему не желал. Он и удара-то, кажется, не провел, а соперник оказался в нокдауне. И остался Сашка Кравцов будто один на один со своей скачущей тенью, то ли сам — лишь тень исчезнувшего соперника. Снова и снова думал об этом он и возвращался в памяти к тем дням, когда Леха казался прочным и несокрушимым, как монумент.

Быков тогда подстроил очередной отпуск ко дню своего рождения — всю бригаду пригласил на свои сорок пять лет. Народу было много. Даже директор рудника заехал и объявил, что "выбил" "Волгу", как давно обещал, и отдадут ее Быкову.

Кто-то из конторских говорил тост, да обмолвился про новый закон, согласно которому, проходчик, выработавший подземный стаж, может уйти на легкий труд или к «едрени фене» в сорок пять. До пятидесяти перебился в сторожах, а потом начислят нормальную горно-проходческую пенсию. Сидел Леха за столом важный, странно так таращил глаза, словно спрашивал: неужели приплыли?

Зашумели, загалдели Лехины сорок пять с новой силой. Как принято, водка лилась рекой. С его осанкой, кажется, и выпрямляться больше некуда — перегиб получится. Так нет — надул грудь, задрал нос, на спор приволок на себе с соседней стройки сварочный аппарат. Сашка Кравцов, ругаясь, утащил его обратно.

Отхохмили, отгорланили Лехин день, его расцвет. Наутро жена вымела из квартиры разбитую посуду и с ней, будто невзначай, - удачу, баловавшую мужика

почти полвека. Отправился утром бригадир погулять, и привезли его лишь на следующий день, злого, с лиловым синяком под глазом. Еще через полмесяца лишили водительских прав на год. Стояла новенькая машина в давно приготовленном гараже, пылилась.

На руднике начался новый месяц. На горизонтах сводила скулы зевотой, напревала горечью крутого чая — спячка. Был бы Быков, и вагоны бы появились, и фронт работ.

И стало Сашке не по себе, и захотелось в отпуск. Начальник участка, услышав, что надумал Кравцов, даже руками замахал:

— Что ты? Быков в отпуске, если и ты уйдешь, по уши в долги залезем.

Сашке с каждым часом становилось все муторней и он сорвался. Нет вагонов — пропади они... Растаскал скреперным ковшом породу по выработке и начал бурить забой. Напарник сначала посмеивался, затем не в шутку раскричался:

— Дурную-то работу зачем делать? Ведь слежится порода, ее потом ни ломом, ни взрывчаткой не возьмешь. Нашел развлечение...

Сашка упрямо сжал зубы. Понимал, что пользы от его работы нет — один вред только. Зло мотнул головой:

— Заткнись! — и поволок перфоратор в забой.

После смены начальник участка, сам ему предложил, хмурясь:

— Пиши заявление и отдыхай. Мы уж как-нибудь.

* * *

Лишь через месяц, к концу отпуска, узнал Кравцов, что у бригадира после именин жизнь пошла наперекосяк: не догулял он, вернулся на рудник, злее бросился в работу. Но и здесь его недогулянный отпуск вышел клином.

С ним в паре работал новенький, неопытный проходчик. Бригадир недоглядел, а тот пробурил шпур до пустоты в заложенной камере, не предупредив никого об этом. Потек в забой ядовитый рудничный газ. Дорого заплатил за

халатность молодой проходчик. Когда бригадир поднялся к нему на полог — он лежал без сознания. Поступить бы Быкову по инструкции — оставить напарника и бежать за горноспасателями. А он обвязал его резиновым шлангом, стал спускать вниз из загазованной зоны. Сам потерял сознание. Выпустил из рук шланг.

Человек упал камнем вниз. Затылком о породу. Насмерть.

Никто не осудил бригадира. Инструкция инструкцией, а продержись он еще несколько секунд — и спас бы человека. Пойди он за горноспасателями — кто мог дать гарантии, что проходчик остался бы жив? Разбирались потом — все были виноваты, и больше всех сам потерпевший.

Закончился отпуск. Сашка, посмеиваясь, представлял, как без него мается бригадир. Выскочив из автобуса поутру, он заметил впереди знакомую фигуру. Подскочил сзади, хлопнул по плечу. Быков неторопливо обернулся — чужой, морщинистый, с красными усталыми глазами. Взглянул на него Сашка и стало ему не по себе. А потом всю смену, все было не так. Ругался он, крыл разбитый перфоратор, ржавую лебедку, и себя самого, разучившегося работать за время отпуска.

Через пару дней все стало на свои места. Леха как Леха — слегка хмур, шутить не склонен, а так все по-прежнему. Каждый день человек немного иной, чем вчера, — так и должно быть.

И снова Сашка стоял за рычагами скреперной лебедки. Рядом никого не было. Ход ковша был настроен больше чем на полусотню метров. Работа спокойная, нудная. Клонило в сон. Блеснул на металлическом корпусе лебедки лучик света. Сашка обернулся, притормаживая ход ковша, — Леха. Подошел, присел. Кравцов кивнул ему, и мурашки побежали по спине — показалось, что его глаза встретились с темными провалами пустых глазниц. Сашка готов был подумать, что Быков спит. Но тот с трудом разлепил губы и членораздельно, будто выстукивая каждый звук, проговорил, неторопливо вынимая сигарету из пачки:

— Давай покурим!.. Все спешим, спешим... А зачем?

Сашка с опаской взглянул в показавшиеся незрячими глаза, осторожно присел на лебедку. Молча закурил.

— Сколько себя помню — все работаю, — вздохнул Быков. — Время такое выпало — война. Мать все болела. Отец вернулся с фронта калеккой. Вот так! Двенадцать лет от роду, а уже кормилец: на руках двое младших и родители. — Леха пососал погасшую сигарету, помолчал, глядя себе под ноги, заговорил опять: — Братьев на ноги поставил, стариков похоронил, своих детей вырастил — вроде самое время пожить, а тут на внуков запрягают. Это что, по справедливости? — спросил с приметной обидой. — Ты и сам работяга...

— Ты чего, спятил? — срывающимся голосом перебил его Сашка.

Бригадир на миг задержался странными своими глазами на его, испуганных и удивленных.

— Помнишь, когда у меня разлад с сыном был, ты говорил...

Кравцов облегченно и шумно выдохнул из себя воздух.

— Философ! Я думал, ты того, — покрутил пальцем у виска. — Это когда я тебе говорил? Пять лет назад? Иди ты со своими разговорчиками. — Он выплюнул окуроч, встал, надевая рукавицы. Ткнул пускатель, лебедка заурчала.

Быков молча поднялся и поплелся в полумрак, унося свои странные, невысказанные мысли.

- Вздрючь там компрессорщика! — крикнул ему вслед проходчик. — Скоро бурить надо, это разве воздух? — пнул шипящий шланг с перекрытым клапаном. Леха обернулся, оскалился в полутьме, знаком показывая, что понял и вздрючит кого надо на полную катушку.

Полетели смены. Снова они работали в паре, еще упорней стало их соперничество. Леха кричал, язвил, как прежде, хватался первым за самую тяжелую работу. Но во всем этом чудился Сашке надрыв.

Бригада работала в два забоя: один по восстающей, другой по горизонтальной выработкам. Леха каждую смену менял тактику: Сашка работал то

в одном забое, то в другом, то один, то вместе с бригадиром. Начиная одну из этих смен, Быков гнал в забой буровую самоходную установку. Сашка с учеником сидели на капоте мотора. На пути лежала отслоившаяся с кровли глыба.

— Убери! — притормозив, кивнул на нее ученику Леха. Тот спрыгнул с капота и зашагал в обратную сторону.

— Ты куда, щегол? — закричал бригадир.

— Так за ломом! — растерялся ученик.

— Трудно лишний раз наклониться, — Быков подскочил к глыбе, обхватил ее руками и не смог сдвинуть с места. Словно обезьяна в потешных корчах, он то с одной, то с другой стороны обхватывал несчастный закол и вдруг сдался. Первый растерянный взгляд на Сашку.

Сашка Кравцов лежал на горячем вибрирующем капоте двигателя. Рот был разодран в хохоте, ноги в резиновых сапогах импульсивно дергались, будто отталкивали педали невидимого велосипеда. Так смеяться умел только один человек на руднике — Леха Быков.

Сашка перевернулся на бок, мешком свалился на землю, встал, держась за живот, и, раскачиваясь, потащился в свой забой. На полпути спохватился — уйти, ни словом не поддев Быкова, это было не в их правилах. Вернулся и остановился, невидимый для бригадира. Лом лежал в стороне, ученик угнал буровую каретку в забой, а Леха один на один все с той же глыбой, хрипел, корчился и не мог столкнуть ее к борту выработки. Припасенные насмешки застряли у Сашки в горле. Он без звука развернулся и ушел незамеченным.

Кравцов бурил забой восстающей выработки. Внизу кто-то перекрыл воздух, и перфоратор захлебнулся в его руках.

— Масло! — крикнул Леха снизу. Сашка бросил веревку, бригадир привязал к ней ведро с маслом для перфоратора. Проходчик потянул его на себя, вверх, ведро зацепилось за что-то, опрокинулось, окатив Леху с ног до головы. Кравцов захохотал, но тут же умолк: ему показалось, что там, внизу, в лучах прожектора, не

ругается, а в голос причитает сам Леха Быков. Эхо металось по восстающему, на разные лады повторяя обиду.

Какая мелочь, думал потом Сашка: будто того, кто тонул, можно намочить, а забойщика — запачкать... Но Леха ушел, не дождавшись конца смены. На другой день Сашка Кравцов узнал, что он уволился с рудника.

* * *

— Знаю, бригадир из тебя никудышный, — сказал Сашке начальник участка. — Ты тянешь только на проходчика, в крайности — на звеньевого... Да ставить больше некого. У вас бригада всегда была вроде проходного двора. — Он вскинул на Кравцова хмурые глаза и неожиданно спросил: — Может быть, еще вернется Быков?

Сашка передернул плечами. Что он мог ответить? Подумал: "Сломался бугор. А моей вины тут нет".

...И он, как Быков, первым бросался в работу. И он часто добивался своего горлом. Но бригада разваливалась на глазах, теряла былую славу.

Вроде бы и план вытягивали, но начала падать зарплата. Добродушный плут Индюк стал ершистым и заносчивым. А после очередной зарплаты раскричался на всю контору, стучал себя в грудь по-быковски и тарачил маленькие глазки, посаженные рядом возле тонкой переносицы:

— Ты бригадир или не бригадир? — подступал к Сашке с опаской и злостью. — Ты чем наряды подписывал, пяткой? — оглядывался, призывая в помощь свидетелей: — Заскакиваю в плановый, да? Говорю: "Это почему же нам закрыли месяц чуть больше тарифа, если план сделали?" А мне тычут в нос талмудом, говорят — все по закону! Я выхватил книгу, глядь — а она за сорок какой-то год: там еще за конную тягу расценки, а? Что делают?

Индюк брызгал слюной, бросал шапку оземь и снова напяливал ее на голову...

— Чего орешь? — надвигался на него Сашка Кравцов. — Бери бригадирство, если такой деловой.

Но наедине он едва не стонал, чувствуя свою беспомощность. Много бы дал, чтобы вернуть Леху на рудник.

Они встретились только через полгода. Быков появился так же неожиданно, как и исчез.

Сашка возвращался домой, чувствуя приятную усталость, после сырости и пыли смакуя чистый морозный воздух. Луна висела над домами, как тусклый прожектор. В ее свете от Сашкиного подъезда отделилась темная фигура, знакомый и чужеватый голос Лехи Быкова прохрипел из мрака:

— Сань! Ты, что ли?

Поздоровались.

— Выпить есть? — сразу же спросил Леха.

Вошли в теплую квартиру. Жена с дочкой уже спали. На кухне под салфетками стояла тарелка с неостывшими еще пирожками. Леха скинул куртку в прихожей, уселся за кухонный стол и подвинул к себе граненый стакан. Сашка открыл холодильник, поставил на стол почти полную бутылку водки с пробковой затычкой в горлышке. Леха зубами выдернул ее и плеснул в стакан. Горлышко мелко задребезжало стеклом по краю стакана. Он сердито отодвинул бутылку и кивнул на нее Сашке:

— Налей сам!

Кравцов чуть плеснул себе в рюмку, а бригадиру налил стакан до самых краев. Тот припал к нему губами, потом подхватил непослушной рукой и опрокинул в рот. Посидел молча, чуть зарозовело лицо. Сбитыми корявыми пальцами отщипнул кусочек пирога, пожевал.

— Эх, Леха, Леха, — простонал Сашка. — Да ты посмотри на себя, от тебя ведь мертвечиной прет! — Он замигал и отвернулся, чувствуя, как наворачиваются на глаза слезы.

Быков дернул головой, не ответил.

— Где же твоя дача с кафелем под потолок? — вздохнул. Ждал, что Леха поправит: не дача — пасека!

Но тот поскоблил ногтем небритую щеку и пробормотал:

— Какой из меня пасечник? Проходчик я... А машину жена отсудила.

Сашка настроился на долгий разговор, но Леха тяжело поднялся из-за стола и вышел, тихо закрыв за собой дверь. Через неделю Быков появился на смене в прежней должности, будто и не было этих никчемных шести месяцев.

* * *

Коронка бура, разбрызгивая шлам и воду, легко вошла в породу. И снова Сашка чувствовал рядом с собой надежное быковское плечо. Шевельнулась в душе спокойная радость. Кравцов добродушно выругался: "Старый крот!" Обурив последний шпур, не удержался, ткнул Леху локтем — хоть на десять минут, да обошел напарника. Ждал знакомой усмешки, шальных глаз. Но Леха повернул к нему спокойное, заляпанное шламом лицо. Сашка вздохнул: сломался бугор, а каким проходчиком был!

Отключили воздух. Стихли свист и шипение. Влажная стелющаяся тишина хлынула в забой.

— Все! Раз, два... двенадцать... восемнадцать. Все! — пересчитал Леха шпуры. — Быстро мы с тобой управились. Взрывчатку ждать придется.

Сказал и замолчал. Смотрел под ноги, думал о чем-то, даже губами шевелил. Сашка насмешливо поглядывая на напарника, раз-другой бросил на него взгляд, молчал-молчал и не выдержал:

— Чего губами шлепаешь? Гусей погнал?

Леха встрепенулся, ослабился:

— Песню вспоминаю. Может, слышал? Слова там такие: "Ты стал таким, как я, сынок, — я так хотел..." Или нет: "Ты стал таким, сынок..." — Леха постучал

кулаком по каске. — А дальше, хоть убей, — выскочило. Там, дескать, ты-то стал, да только я уже не тот. Хоть убей — не помню.

— Запел?! — хохотнул Сашка.

Быков опять осклабился, да так, что Кравцов чуть не заскулил. Леха почувствовал, что и от разговора, и от молчания, напарнику не по себе - перевел на другое:

— Значит, в конце месяца так и работаете по шесть часов через двенадцать?

— Плана нет, — цыкнул сквозь зубы Кравцов, — приходится выкручиваться.

Быков помолчал и вдруг тряхнул головой:

— Зря все это: сон — работа, сон — работа, разве это жизнь?

— А ты зачем вышел на смену вместе со мной? Мог бы по графику: еще через пять часов.

— Я-то? — переспросил бригадир, задумался. — Я так, по привычке, а вот ты... Учился бы или занимался чем, хоть спортом. Какой интерес у тебя в жизни? Когда-нибудь все так опостылеет...

Заскрежетало в душе у Сашки Кравцова. Вскочил на ноги, открутил водяной шланг, хлебнул — не помогло. Вспомнилось: десятиклассники, акселераты... и три брошенных курса института, и успехи в спорте — вспомнились. И, отплеываясь от ржавой воды, сорвался:

— Вот такой интерес: поработать и получить за это, как ты учил!

— Когда у тебя ни кола ни двора не было, оно конечно, — невозмутимо продолжал рассуждать Быков. — А теперь ведь все есть. Теперь можно по-человечески: отработал свою смену в полную силу и веди жену в театр, учись. У меня, конечно, грамотешки мало, но насчет зарплаты и плана кумекаю, — опять Леха постучал кулаком по каске, будто хотел убедить напарника, что там не одна пустота. — В начале месяца делать нечего — то в конце из кожи вон лезем. А надо, чтоб без спячек, без горячек... Чтоб каждую смену каждый — и я, и «тот парень», из-за кого в начале месяца работы нет, чтоб все пахали...

— Пока ты порядок будешь наводить, мы полгода без денег просидим, — огрызнулся Сашка. Но бригадир упорно не хотел замечать его раздражения:

— Деньги, конечно, не мешают. Хорошая зарплата — тебе почет, а семье благополучие. Так ведь и жить надо! — он стрельнул окурком по обуренному забою. — Сегодня жить, а не в проекте. Вот так!

Говорил бы кто другой, Сашка бы вида не подал, что у него на душе. Но тут он вскочил, поддал сапогом аккуратно уложенную бухту шланга.

— "Каким я стал...", — зло передразнил Быкова. — В нокауте — все или философствуют, или стонут... Да еще полгода назад, когда ты что-то мог...

Леха тоже вскочил: зубы в оскале, глаза бешеные. Сашка даже полегчало: такого бригадира он знал, черт возьми, вот уже шесть лет... Тоски не было. Укором кольнула совесть — нечестный вышел удар. Угораздило же сорваться.

И Леха недотянул до прежнего: вместо соленой быковской брани что-то прохрипел, просипел, обмяк, снова сел и почти спокойно заявил:

— Рано списываешь, Саня. Цыплят, как говорится, у кассы считают.

И только непослушные узловатые пальцы его дрожали, неуклюже елозили по обертке, не могли выхватить сигарету из хрустящей пачки.

— Михалыч, ты опять здесь? — разбрасывая веер теней от ламп освещения, к ним шагал Индюк. — Здорово, Михалыч! Мне сказали, я было не поверил.

Голова у Индюка запрокинута назад. Между носом и козырьком каски узкая темная щель, оттуда чуть поблескивают глазки.

— Раз уж ты вернулся, бери меня к себе. Нет больше терпежа работать у Петухова. Я ведь скоростник. — Проходчик осторожно снял каску, на лбу пламенела шишка величиной с половинку куриного яйца. — Видишь? Пока у тебя работал, старуха пыль сдувала, что ни сделаешь — все хорошо, что ни скажешь — все умно. А вчера прихожу домой с бутылкой, она выхватила — и по лбу...

Леха даже не усмехнулся, разглядывая шишку, спросил:

— Что там у Петухова? Тариф?

— Рудоспуск проходим. В плане. Я говорю, Быков за такую работу не меньше шестисот сорвал бы. А этот тихушник молчит. А то, что бригада из трехсот рублей не вылезит, ему до лампочки. — Косился Индюк на Кравцова, вроде извинялся, что ушел из бригады в трудное время. — Возьми к себе, Михалыч, ты меня знаешь: я так, как они, дурковать не умею. Скоро десять лет на шахте, а чтоб бригадир... — Индюк закашлялся. — Прикинь, мы только присядем, он сопит над ухом, только мы на работу — он к пенсионерам в слесарку чай пить и всю смену там треплется. Я так привык: бригадир впереди... А это разве работа? Лучше я с тобой на тарифе сидеть буду.

Сашка ткнул Леху в плечо.

— Возьмем? Только пусть у Петуха шланги значит, грузовой трос у нас совсем плохой, и переходы на полтора дюйма... А шишку чтобы покрасил ..

— Зачем? И так возьмем, — не поддержал шутку Быков. — После смены зайдем к начальнику участка — не откажет.

Пора было идти за взрывчаткой. Сашка поднялся, не довольный, что Леха не хочет пошутить над Индюком. Тот угодливо суетился рядом, предлагая помочь.

— Иди, иди, Степан, — отмахнулся Быков. — Отдыхай, чего тебе ждать — наша смена только началась... Завтра выйдешь в день ко мне в бригаду, с начальником я сам все улажу.

Сашка усмехнулся, подумал, что Быков так не по-быковски вежлив с Индюком в отместку за его вспышку, спросил мирно, подтолкнув его плечом:

— Обиделся?

— Какая обида? — сказал бригадир, глядя вслед уходящему Индюку. — Что сделал, то и имею.

— Ну ты сегодня вообще... — присвистнул Сашка. — Ну ты, папа Карло, даешь...

В выработке замаячила фигура раздатчика с ящиком взрывчатки. Сашка подхватил брошенную им коробку, взвалил на плечо, зашагал в забой. Следом, по лужам, угрюмо хлюпал сапогами Леха Быков.

* * *

Через неделю директор предложил ему такой подряд, что ахнул рудник.

— Такая обстановка, Быков, срочно нужно выводить новый блок, иначе — завалим план по руде в следующем квартале, — сказал директор. — Не принуждаю, но если возьмешься — должен сделать. Ты скоростник, опытнейший проходчик... И вообще, тебе верю.

Сашка, узнав об этом предложении, даже засомневался: хоть и в три забоя, но пройти за месяц сто метров по восстающим выработкам — это бригадир хватил через край.

Глядя тусклыми провалами глаз, Быков бросил небрежно:

— На пятый разряд директор обещал по тысяче чистыми. А он, сам знаешь, обещал — сделает, даже если плановики над своими столами повесятся.

У Сашки отвисла челюсть, а в глазах бригадира насмешливо пыхнули знакомые быковские чертики. Было ощущение, будто то, что казалось измочаленной, набитой опилками и податливой грушей, вдруг оформилось в пудовый кулак, звездануло Кравцова по лбу и самоуверенно отправило его в нокдаун.

Услышав про зарплату, охнул рудник второй раз. Быковские в раскомандировке посмеивались над другими бригадирами. Индюк, с масляными глазами, кругами ходил вокруг Петухова.

— Что, съел? Да такого бригадира, как Быков, днем с огнем поискать!

Брюзжал Петухов:

— Опозоритесь! А Быков-то... На старости лет... Знаменитый скоростник... Эх! Ума нет — одна гордыня.

Леха заскочил в раскомандировку с ворохом бумаг в руках. Ни слова в ответ на насмешки. Отозвал своих в сторону.

— Тэк, мужики! Дают нам новую лебедку, пару перфораторов и семь учеников. Лес гарантируют. Ты, — ткнул пальцем Сашке в грудь, — берешь ближний забой. Порода там слабая, крепить будешь вручную. Забирай лебедку и трех учеников. Чтобы завтра к обеду была первая отпалка.

Сашка скорчил кислую физиономию — обрадовал!

— Да, — кивнул Быков. — Подготовительных работ много. Перекуси, переоденься и опять вниз.

Кравцов направился к начальнику участка звонить жене, что придет домой нескоро и вообще сам не знает когда. Слышал, как за спиной командовал Быков.

* * *

Вроде бы и ученики достались Сашке крепкие: все после армии. Но когда разделались с подготовительными работами, он чуть не охрип, погоняя каждого. И десяти часов не продержались ребяташки. Сломались без привычки. Сашка махнул рукой и отправил их наверх в бытовку отдыхать.

Начал бурить. В одиночку зарядил шпурь, отпалил, включил вентиляцию и только тогда присел. Выщедил кружку терпкого чаю, убрал породу. Наконец вернулись ученики. Смотрели на звеньевого выжидающе: на хмурых со сна лицах отчуждение. И это после того как им, за здорово живешь, дали возможность поспать почти пять часов?

Уже можно было выезжать на поверхность: условие бригадира было выполнено. Но Сашка решил закрепить устье выработки, чтобы в дальнейшем делать только погонные метры, план. Прошепелявил, торопливо пережевывая принесенные учениками пирожки:

— Если по-хорошему — на три часа работы осталось... И не увидев энтузиазма на лицах, закричал: — Вперед! Рывками... Длинный, ты станешь на

лебедку, остальные за мной. — Оглянулся, ученики с тупым упорством не спешили браться за работу.

"Разве это проходчики, — подумал. — Эх, если бы с Лехой в паре..."

Пошли на бригаду погонные метры, поползли вверх проценты на доске показателей. Толпились возле нее рабочие, спорили, как перед футбольным матчем. В городской газете и по радио опять гремела фартовая бригада Быкова. Но Леха был равнодушным к шумихе. Впрочем, работы хватало всем, а ему доставалось вдвойне.

Уже на первой неделе началось отставание от намеченного бригадиром графика. Зачастили дополнительные смены. Вскоре пришлось перейти на аварийный режим. На второй неделе выровнялись, стали работать ритмично. Новенькие и ученики начали выдыхаться. А ветераны бригады, где они? Леха, Сашка да звеньевой Степан по фамилии Индюк — вот и все, кто год за годом называли себя бригадой Быкова.

Кандейка — кандея — исстари сохраненное горняцкое название вывала, или небольшой выработки, обжитой неприхотливыми горняками для отдыха. Несколько ящиков из-под взрывчатки вместо стульев, самодельная электроспираль, чайник и кружки. Что за бригада без чайника?

Сашка запалил заряженный забой. Ученики уже сидели в кандейке. Он подошел незамеченным и услышал, как Длинный спрашивал Индюка:

— Кравцов, что, родственник бригадира? Индюк, рассмеявшись, замотал головой.

— А что? Похож! Только бригадир спокойный, а этот кричит... — сказал ученик.

— Быковская школа, — ответил Индюк. Как о чужом сказал, словно и не работали они в одной бригаде почти шесть лет. — Михалыч, сколько его знаю, — таким был. Это сейчас все молчком.

Сашка сбросил каску, сел, прислушиваясь к взрывам, считал рвущиеся шпуры и сбивался: разве его учили иначе?! Будто сам Индюк другой школы!

После смены, отмытые, распаренные, ввалились в полупустую столовую. Ученики оживились, заговорили вроде бы между собой, но все вопросы касались Кравцова.

— Неужели вот так от отпуска до отпуска? Когда же выспимся? Наши ребята в бригаде Рожина. Говорят, шесть часов в сутки отработали — свободны.

Сашка добродушно хохотнул, вспомнив себя на руднике вот таким же юным и наивным. Разве что самолюбия и злости было побольше. Поднял голову со смеющимися глазами.

— Каждый может уйти хоть завтра — у того же Рожина место найдется. Только не советую. До конца месяца осталось меньше двух недель. А у кассы посмотрим, где работать интересней.

После душевой, после ужина оживление схлынуло и усталость с двойным усилием начала вдавливать тела в сиденья стульев. Скорей бы добраться до койки, а через... — Сашка посмотрел на часы, — через девять часов опять на смену.

— Тебя как звать? — спросил ученика, которого называл Длинным. Этот был попроворней других

— Валерий! — усмехнулся тот и добавил, отводя недобрые глаза: — Третий раз спрашиваешь.

— Семья у тебя есть, Валера?

— Двое детей! Ну и что?

— Ого! Не спеши убегать: сожмись в кулак, выдержи до конца месяца, а потом решишь. — Сашка встал. — Вперед, орлы! Если повезет - поймаем мотор. Дядя платит за всех.

Дома от ужина отказался. Дочь подбежала с книжкой.

— Папа! Почитаем? — Круглые глазенки смотрели на со спокойной безнадежностью. Сашка потянулся, обнял дочь — на глаза попались часы, стрелки быстро продвигались к началу новой смены.

— В другой раз читаем, хорошо? В другой раз обязательно.

...Полетела в темень шахтная клеть. Завертелась штанга. Шпуры — один к одному. Больше и набурить невозможно. Взрыв! А им ну хоть бы что... Камень это или железо... Леха-а-а! Ты какую взрывчатку заказал?..

— Что? Уже? — Сашка сел, растирая жесткими ладонями лицо. — Эх, еще бы часок.

Жена, не спавшая, прохладная, нырнула под одеяло.

— Нескоро вставать, еще через четыре часа...

— Как хорошо! Целых четыре... — Сашка подвинулся к ней, положил руку на гладкое плечо и почувствовал, что снова летит с клетью на свой горизонт. Усилием воли на мгновение остановил сон, пробормотал: — Хорошо идем. Быков знал, за что браться. Будет тебе колечко с бриллианчиком...

Клеть снова полетела вниз, и остановить ее не было сил.

* * *

Никто не знал, когда выезжает на-гора бригадир. Сашка не видел его уже двое суток. Отпалил свой забой, и пока он проветривался после взрыва, ноги сами по себе вынесли его к забою Быкова. Перфоратор урчал где-то далеко вверху, в свете ламп видна была только расплывчатая Лехина тень. Сашка уперся ногами в борта выработки, стал подниматься. Быков висел метра на два выше последнего полка: и за что только держался? Упер телескопический перфоратор в выступ породы, сам каким-то образом закрепился. Без робы, в одной залипшей к телу рубахе. Сашка свистнул. Леха посмотрел вниз, подмигнул и снова задрал голову.

Внизу Индюк, часто мигая усталыми глазами на осунувшемся лице, спросил:

— Был у Михалыча? Как он там?

— Как? Как? А вот так, — Сашка весело дурачась поддал сапогом картонную коробку из-под взрывчатки. — С получки скинемся, купим ему пуд бананов — главный обезьяний приз... В цирке бы работать нашему Михалычу.

В забое Индюка рвались шпуры. Он в такт взрывам клевал носом и загибал пальцы на руке. Сашка молчал и все думал: как Лехе удалось затащить перфоратор наверх по отвесной скальной стене?

Нужно было начинать новый цикл работ в забое. Кравцов встал.

— Вперед, орелики! — сказал тихо. Липкая усталость подгибала колени, тянула к земле. Он тряхнул головой, ударом кулака насадил каску по самые уши и закричал:

— В забой, «мои головорезы»!

Валерка поднялся, оттолкнувшись локтями от борта, пробормотал:

— Разорался... — но первым подхватил топор, скобы и торопливо кинулся к забою.

И снова скрежетала по породе коронка буровой штанги, хлестала из шпура вода со шламом, струилась по лицу, где-то под резиновой робой нашла ход и заливала сапог. Снова Сашка с учениками набивал шпуры взрывчаткой, стягивал в пучок пряди бикфордова шнура, запаливал, уходил и считал толчки взрывов.

Оставалась последняя, но целая неделя. Быков перехватил звеньевых перед сменами. Оказывается, успел проверить их работу. Сашке отрывисто сделал несколько замечаний. Отвел в сторону Индюка. Звеньевой морщил нос, пучил глаза:

— Уй, Михалыч, радикулит замучил. Вчера полез в забой — как стрельнул на полпути...

Сашка замер с залипшим к губе окурком, вытянул шею. Знакомая ситуация на новый лад: как всегда, не дотерпел, заюлил Индюк. Начал гнать брак в надежде, что бригадир все равно добьется своего и выработку примут.

Видел Кравцов, как задергался Быков. Ждал, что устроит звеньевому разнос на прежний манер. Но Леха только пробурчал, заикаясь:

— Опять халтуришь? Чтоб от устья до забоя всю выработку перекрепил... Попробуй поднимись, пока не сделаешь, — без премии оставляю... — И все-таки недотянул, сорвался: — Вниз го-ло-вой спущу! – просипел, скрежеща зубами.

Через сутки, не глядя в жалкие глаза Индюка, он полез проверять крепление выработки. Осунувшегося проходчика с вьезшейся в небритое лицо грязью, мотало от усталости. Индюк, сидя в кандейке, клевал носом и молился про себя, чтобы сошло с рук забракованное крепление.

Сашка накрошил в ладонь черствый хлеб, нагнулся, подставил звеньевому к лицу. Задремав, тот тыкался носом в ладонь, и звено давилось от смеха. Вошел бригадир и даже не усмехнулся, оттолкнул ногой Сашкину руку, хлопнул дремлющего проходчика рукавицей по спине.

— Отдыхай! Но завтра левый борт, где большие щели, обошьешь досками... И впредь смотри...

Индюк тяжело поднялся и поплелся на руддвор. Ноги в хлюпающих сапогах путались, спотыкались.

Бригада вытянула подряд с присущим Быкову блеском. Бригадир сам остановил работы.

— Мы свое сделали! Теперь выходим на смену по нормальному графику: навести порядок, подшаманить технику и — все.

На глазах ослабли, устало заулыбались люди. И даже Сашка Кравцов, сидя на мокрой груди породы, умолк, раскис — лень робу содрать с тела. Думал: ну, вот, мы выиграла! Спohватившись, вскинул взгляд на бригадира: кто мы?

Сашка был по-человечески рад, что Леха рядом, что он по-прежнему силен и ловок. Никто из них двоих не сдешевил и на этот раз: не щадил себя, не выезжал за счет других. Но они оба молчали, и Сашке казалось, что бригадир навязывает

ему новые правила: непонятные и потому нелепые. Нет, он не проиграл, но не было ощущения, что он выиграл этот "раунд"?

Они ввалились в буфет всей бригадой, сдвинули столы. Знакомая буфетчица выставляла на стойку тарелки.

— Слыхала про вас! В этом месяце только и разговор про быковских.

Молодцы!

Расселись, притихли, принявшись за еду, а Леха вдруг заговорил, будто тост собрался произносить. "И это со стаканом-то компота?" — улыбнулся, глядя на него, Сашка.

— Всем досталось! Даже я вымотался до крайности. Но надо было вводить новый блок и кто-то должен был попахать. Мы за месяц, считай, дали работу всему руднику на квартал вперед. За это вам от всех спасибо и зарплата... Думаю, не в обиде.

Сашка еле сдерживался, чтобы не перебить Леху. При такой зарплате еще и оправдывается. Услышал бы бригадир сам себя год назад — неделю бы хохотал и ногами дрыгал.

— Еще скажу для тех, кто первый месяц на руднике, — продолжал Быков. — Не думайте, что всегда будет так. Этот случай особенный, вам вроде крещения. Теперь — отработал смену и гуляй. Но чтоб в свое кровное рабочее время носились как... Эти самые!

— За какие деньги? — отодвинул тарелку Сашка.

— Будут и деньги! — не поворачиваясь к нему, ответил Быков. —

Нормальная работа и нормальные деньги.

— Сколько? — в упор спросил Сашка.

— Хватит! — ударил Леха кулаком по столу. И непонятно было, чего хватит — денег или разговоров?

Прибежала секретарша. Директор вызывал всю бригаду. Они прошли по ковровым дорожкам. Впереди бригадир с прямой спиной. Открыли дверь без стука, расселись по-свойски.

— А, быковские, дело есть! — поднялся директор. — Спасибо за план. Я знал, кому доверить работу. Есть новое предложение: берите подряд на сто двадцать метров!

Сашка поймал рассеянный Лехин взгляд и подмигнул: торгуйся, бугор! Намечался новый "раунд". Подкатывало под горло ощущение восторженной жути, будто оттолкнувшись от канатов, встал лицом к противнику. Но Леха вместо того, чтобы загнуть цену, поморщился, стал, гонять желваки на сухих скулах и вдруг заявил:

— Не в обиду, Васильевич, не сможем!

Сашка не поверил ушам, он тряхнул головой, шальными глазами уставившись на бригадира. Леха Быков стоял перед директором и отказывался от денег. За свою славу испугался?!

— У нас, считай, полбригады — ученики. И так в прошлом месяце мы их, как щенят в воду, выплывет — не выплывет... Сломаем ребятишек... Подучить их надо, — оправдывался Леха.

Сашка кинулся к столу. Его трясло. Выкинул вперед ногу на каблук, раскрытую ладонь вождистски — к директору. Его голос срывался от негодования.

— Васильевич, ты кого слушаешь? — повернулся к бригадиру: — А ты по какому праву решаешь за всю бригаду? Это я говорю, Сашка Кравцов, сделаем, Васильич!

И тут Сашка заметил — что-то изменилось вокруг. Оглянулся: директор сидел с вытянутым лицом. Плутоватое лицо Индюка точь-в-точь походило на директорское. И все, знавшие Кравцова и Быкова не первый год, глазели на них с удивлением и опаской.

— Это я говорю, Васи...

Он замолчал под странными этими взглядами. Директор шумно вздохнул и растерянно посмотрел на бригадира.

— Хорошо, хорошо, Алексей Михайлович! Мы после потолкуем... Извините, ребята. В другой раз... дела.

Они вышли. Сашка еще подрагивал от возбуждения. Подскочил к бригадиру и дернул его за плечо. И Леха повернулся к нему своей самоуверенной, насмешливой рожей, будто не было предыдущих семи месяцев. Вновь глаза его были резки и пронзительны. Все злые, обидные слова вылетели из головы проходчика. Так ничего и не сказав, широкими шагами Сашка направился к выходу. А в спину ему полетел резкий и наглый голос бригадира Леха Быков:

— Я тебя изуродовал, я тебя и выправлю!

Сашка обернулся, споткнувшись, как в нокдауне, а он добавил с такой знакомой быковской усмешкой:

— Никуда ты от меня не уйдешь!

Сашка шел по коридору и ругался, выбивая каблуками гулкие шаги.

Сломался бугор!

Сломался?!.

Сломался?..

Толкнул сапогом стеклянную дверь конторы, она распахнулась и закрипела за спиной ржавыми пружинами, раскрываясь то в одну, то в другую сторону:

"А сло-мал-ся ли?"